Ники Остин

Мирто

18+

Ники Остин

Мирто

«Автор»

2026

Остин Н.

Мирто / Н. Остин — «Автор», 2026

Что, если любовь всей жизни началась за одну ночь — а закончилась только через шестьдесят лет молчания?Крит, 1943. В пещере среди олив юная Мирто находит раненого итальянского офицера. В ту же ночь немцы расстреливают её брата. Между врагами вспыхивает чувство, которому нет места на войне. Они дают клятву, и расстаются на рассвете.Флоренция, наши дни. Внучка Мирто, скульптор, получает странное завещание бабушки: не продавать дом, пока не соберёт первый урожай. Разбирая старую икону, девушка находит тайник с портретами и половиной свидетельства о браке.Кто он? Почему бабушка молчала всю жизнь? Чтобы узнать правду, Мирто пройдёт путь от критских скал до флорентийских мастерских, и встретится с человеком, чьё имя слышала каждый день, но никогда не связывала с семейной тайной.Роман о любви, пережившей войну, молчание и время.

© Остин Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Под сенью мирта 5
Глава 2. Флоренция 7
Глава 3. Прерванный круг 8
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Мирто

Глава 1. Под сенью мирта

Спустя шестьдесят два года после катастрофы, постигшей село Ми́ртос во время Второй мировой войны, дом уже постаревшей Миртó изменился до неузнаваемости, восстав из тех же самых старых камней. Теперь он казался земным раем, залитым солнцем южного Крита.

Этот дом ничем не напоминал руины сорок третьего года. Каменные стены возвели заново и побелили густой, сияющей известью, которая ослепительно отражала лучи солнца, игравшие на глади Ливийского моря. Двор был вымощен чистыми плитами из местного камня, а расставленные повсюду горшки с геранью яркими брызгами расцвечивали белизну стен. Совсем рядом раскинулась оливковая роща, уходящая серебряными кронами к горизонту, а издалека доносился вечный, безмятежный шелест реки, впадающей в море.

Куст мирта у входа превратился за эти годы в огромное раскидистое дерево. Его ствол утолстился, покрылся узловатыми шрамами времени, но ветви оставались изумрудно-зелеными, полными жизни, и отбрасывали глубокую, прохладную тень на садовую калитку.

Мирто шла по двору медленным, несколько тяжеловатым с годами шагом. Её тело слегка ссутулилось под тяжестью прожитых восьмидесяти лет, но глаза — тот самый глубокий, пронзительный критский взгляд — оставались ясными.

Сперва она подошла к домашнему иконостасу, размещенному в нише стены внутреннего дворика. Внутренний дворик — это само сердце критского дома: священное убежище, где хранятся тайны, радости, молитвы и чистая, первозданная жизнь семьи.

Дрожащей, но уверенной рукой Мирто зажгла лампаду. Тонкий огонек затрепетал, освещая лики святых, в центре которых покоилась икона Святого Антония — покровителя их деревни, — и стоявшие рядом с ними старые черно-белые фотографии старшего брата, сгинувшего в том роковом сентябре.

Затем она взяла саротру — традиционную критскую метлу, сплетённую из жестких веток кустарника арефимья. Медленными, ритмичными движениями Мирто принялась подметать двор, смахивая сухие листья и пыль, которую принес с моря горячий южный ветер. В этом жесте крылась глубокая нежность — словно она ласково баюкала раны дома, столько всего повидавшего на своём веку.

Закончив, она прислонила метлу к стене и направилась к старому плетеному креслу под Миртовым деревом, которое сплел для неё сосед и друг детства Манолис.

Этот мирт был посажен в день её рождения отцом, 24 сентября 1925 года, когда Православная Церковь празднует день иконы Божией Матери «Миртидиотисса». Согласно преданию, Её святой образ был обретён в самой гуще Миртового куста — отсюда и имя новорождённой дочери.

К концу июля мирт был в самом расцвете своего великолеппия — усыпанный пышным цветом и словно утопающий в облаке белых лепестков.

Она опустилась в кресло с облегчением, чувствуя, как её обнимает прохлада листвы. Положив натруженные, узловатые руки на колени, Мирто прикрыла глаза.

Одурманивающий, сладкий аромат Миртового цвета тонко сплетался с солёной прохладой побережья. Оглушительное, ритмичное стрекотание цикад, доносившееся из соседней вековой оливковой рощи, наполняло знойный воздух. Этот непрекращающийся гул создавал идеальный контраст с безмолвной тишиной пустого дома, одиноко возвышающегося среди олив за теперь уже низкой каменной оградой — не такой высокой, как это было принято в прежние времена.

Мирто анализировала прошедшее. Она сделала всё, что смогла. Помогла родителям поднять на ноги младших братьев, досмотрела на старости маму и папу, вырастила дочь. Доната выучилась на адвоката, вышла замуж и с тех пор жила в Афинах. Она не пошла в своего отца: особого таланта к рисованию и искусству у неё не было. А вот у внучки, тоже Мирто, проявились способности дедушки, хотя девочка ни разу его не видела.

«Что ни говори… — подумала Мирто, засыпая, — и что бы там ни бурчал этот старый дурак Манолис, я могу сказать, что осуществила свою главную мечту. Я всё-таки отправила внучку во Флоренцию».

Мирто сладко уснула с улыбкой на губах.

Глава 2. Флоренция

В 2005 году Флоренция ещё сохраняла свой ускользающий, подлинный дух, до того как цифровые технологии и массовый туризм окончательно изменили её облик. Это было время, когда студенты искали жилье по бумажным объявлениям, расклеенным на стенах Академии, а по узким улочкам разносился весёлый гул мотороллеров Vespa и велосипедных звонков. Лето красило город в тёплые охристые и золотые тона, а по вечерам от реки Арно веяло долгожданной прохладой.

Мирто посчастливилось найти комнату в Олтрарно — старинном квартале на левом берегу реки, в районе Сан-Фредиано. Это была настоящая, живая Флоренция, укрытая от туристического шума. Здесь, в лабиринте узких мощёных переулков, пахло крепким эспрессо из маленьких семейных баров, свежей выпечкой и древесной стружкой: квартал испокон веков славился своими ремесленниками, столярами и реставраторами.

Она снимала скромную комнату на верхнем этаже старого каменного дома с крутой деревянной лестницей. Комната была простой, но пропитанной духом искусства: высокие потолки с обнажёнными деревянными балками, кованая железная кровать и массивный дубовый стол, заваленный набросками, книгами по анатомии и инструментами для лепки.

Самым прекрасным в её новом жилище было маленькое окно-люкарна, выходившее на крыши города. Открывая его по утрам, Мирто видела бескрайнее море из терракотовой черепицы, над которым величественно возвышался грандиозный купол Брунеллески. А по вечерам, когда город затихал, в окно влетал едва уловимый аромат цветущих садов исторического парка Боболи, смешивавшийся со свежим запахом глины, из которой она пыталась вылепить своё будущее.

Свой путь младшая Мирто начала со знаменитой Школы изящных искусств на Тиносе, в Пиргосе — мировом центре обработки мрамора, каменотесного искусства и скульптуры. Там она научилась высекать образы из камня и мрамора, вдыхать жизнь в этот твёрдый, холодный материал — так же, как её собственная семья когда-то высекала свою жизнь заново, по крупицам, среди камней и руин сожженного немецкими захватчиками села. После Тиноса она продолжила обучение в Высшей школе изящных искусств в Афинах. И вот теперь двадцатидевятилетняя Мирто оказалась в столице Возрождения, во Флоренции.

Идея бабушки отправить Мирто в Италию в начале лета, чтобы поступить на интенсивные курсы скульптуры при Академии изящных искусств, была мудрой и дальновидной. Это позволило ей — до официальных занятий в магистратуре, которые начинались в октябре — быстрее акклиматизироваться, лично познакомиться с профессорами и освоиться в мастерских, чтобы подготовить сильное творческое портфолио для последующего зачисления на основную программу.

Эти занятия требовали полной самоотдачи: практика в мастерской занимала по двадцать-тридцать часов в неделю. Там Мирто шаг за шагом соприкасалась с утончённым флорентийским стилем, работала над эскизными моделями из глины, осваивала академический рисунок с натуры и параллельно жадно впитывала итальянский язык искусства.

Здесь, в самом сердце флорентийской Академии, студенты постигали ремесло в старинных залах и исторических ателье. Сегодня у неё был мастер-класс у Франческо Донати — символа флорентийской скульптуры, престарелого Маэстро Эмерито. Как им объяснили, он больше не вёл изнурительные ежедневные занятия, однако Академия неизменно приглашала его на июльские курсы для проведения одного или двух особенных мастер-классов.

Глава 3. Прерванный круг

Утро во Флоренции выдалось ясным и знойным. Мирто сидела в просторной аудитории Академии изящных искусств, затаив дыхание, поскольку сегодня был особенный день — мастер-класс живой легенды, признанного мэтра скульптуры, заслуженного Маэстро Франческо Донати.

Он вошёл в зал, тяжело опираясь на трость. В помещении воцарилась благоговейная тишина. Время тронуло его волосы благородной сединой, а в каждом движении рук чувствовалось многолетнее, уверенное мастерство. И всё же, несмотря на печать возраста и тонкую натуру художника, его военная выправка и прямая спина выдавали в нём старого солдата.

Мирто жадно ловила каждое его слово о пластике линий, о том, как кудесник резца должен чувствовать душу материала. В его жестах, в самой манере говорить ей чудилось что-то смутно знакомое, но она списывала это странное чувство на волнение.

Когда объявили перерыв, студенты зашумели, обсуждая услышанное. Мирто вышла в коридор, чтобы глотнуть прохладной воды. В этот момент в её сумке резко задребезжал мобильный телефон. В те годы международный роуминг всё ещё стоил дорого, и студенты за границей обычно созванивались с домом по фиксированным картам. Внезапный звонок из Греции прямо посреди недели мог означать только одно — что-то случилось.

На экране высветилось слово «Мама». Мирто прижала трубку к уху.

— Да, мам?

Из динамика, пробиваясь сквозь помехи международной связи, донёсся глухой, сорванный плач Донаты.

— Мирто… доченька… тебе придется приехать, — сквозь слёзы выговорила мать. — Бабушка умерла. Сегодня утром. Тихо, во сне, под своим Миртом…

Земля ушла у Мирто из-под ног. Экран телефона поплыл перед глазами. Слёзы обожгли щёки, дыхание перехватило. Она почти не помнила, как вернулась в аудиторию, чтобы забрать свои вещи. Заметив её бледность и катящиеся по лицу слёзы, Маэстро Франческо, собиравший свои эскизы у стола, обеспокоенно поднял на неё глаза.

Мирто подошла к нему, едва сдерживая рыдания, которые душили её.

— Маэстро Донати… — её голос дрожал. — Мне безмерно жаль, я так хотела остаться… Но я должна срочно уехать. Мне только что позвонили из дома. Умерла моя бабушка.

Франческо замер. На его глубоких морщинах отразилось искреннее сострадание. Он сразу обратил внимание на работы этой талантливой гречанки, в глазах которой сейчас стояла такая безмерная скорбь...

— О, дитя моё… — тихо, по-отцовски произнёс он, покачав головой. — Семья — это самое святое. Езжай. Искусство подождёт, а долг перед родными — никогда.

Мирто вытерла слёзы ладонью и с надеждой спросила, глядя на него:

— Маэстро… смогу ли я когда-нибудь снова попасть на ваш урок? Когда вернусь?

— Откуда ты? — вдруг спросил он.

— Я живу в Афинах, но корни мои с Крита, — почтительно ответила она.

— С Крита… — старик на мгновение замер. На его лице промелькнула едва заметная тень, словно какое-то далёкое и очень дорогое воспоминание коснулось его души, а взгляд на миг стал отстранённым, уходящим куда-то вдаль. — Да, Крит… Крит сохранил свою патриархальность… И слава Богу.

Франческо мягко улыбнулся, достав из кармана пиджака старомодную перьевую ручку. Оторвав клочок бумаги от своего блокнота, он быстрыми, уверенными штрихами набросал номер.

— Это мой домашний телефон во Флоренции. Когда всё уладится и ты вернёшься, позвони мне. Ты очень способная девочка, и я буду рад видеть тебя в своей мастерской.

Мирто бережно взяла записку, прижала её к груди и, кивнув, выбежала из аудитории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.